

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Тамоников

.....

И В А Н
ГРОЗНЫЙ

Конец крымской орды

Москва

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Иван Грозный. Конец крымской орды / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2020. — 368 с. — (Русский исторический бестселлер).

ISBN 978-5-04-113426-6

1572 год. Москва только что оправилась от разрушительного набега татар. Но крымский хан Девлет Гирей не думает успокаиваться. Он готовит новый поход. На этот раз хан планирует окончательно разбить русских и сесть в Москве «на царство». Царь Иван Грозный спешно готовится к обороне: строит новые пограничные укрепления, усиливает войско донскими казаками и немецкими рейтарами. Решено встретить врага на берегах Оки. Туда на разведку отправляется отряд воеводы Михайлы Бордака. Он видит, как татары переправляются через реку, и спешит сообщить об этом главному воеводе князю Воротынскому. Ни татары, ни сам Бордак еще не знают, какая ловушка готовится степнякам на этом берегу...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113426-6

© Тамоников А. А., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

Боярин Михайло Бордак плохо спал в ту ночь. Покой отгоняли тревожные мысли об Алене и ее сыне Петруше. Недавно он спас их, выкупил из неволи в Крыму, в городе Кафа, где выполнял тайное задание, порученное ему царем Иваном Васильевичем. Потом эта женщина, мужа которой зарубили татары, стала его женой.

Удалось ли им теперь уйти из Москвы? Они должны были покинуть столицу на ладье княжича Василия Парфенова. Ее на месте не было. Как и немногочисленной челяди. Княжич сам проверял. Но значит ли это, что Алена, которой рожать скоро, да Петруша с помощью ключника Герасима и Марфы, а также служки Кольки дошли до подворья княжича и успели сесть в ладью? Смогла ли она пробиться чрез затор из разных судов, на которых люди уплывали из посада? А если сели, то довел ли кормчий Демид Глухов ладью до вотчины Парфенова, в село Стешино, которое вниз по течению в шестидесяти верстах? Но даже если ушли, сели, уплыли и добрались до села, то не попали ли там в полон к татарам? Ведь именно туда, ну, может, чуть восточнее повел свою орду Девлет-Гирей.

Мысли мучили его так, что разболелась голова. Луна пошла к востоку, когда Бордак не выдержал и вылез из шалаша, стоявшего на елани.

Его заметил дозорный опричник, который нес службу в то время.

— Боярин, ты чего не спишь? Или по нужде вышел? — спросил он.

— По нужде.

— Мы отхожее место устроили сразу за правыми шалашами. Ты не испачкайся там.

— Ты, ратник, службу свою бди, обо мне не беспокойся. Другая у меня нужда.

— Скажи, какая, боярин. Может, подмогу. У меня бабка знахаркой знатной была. Мать тоже шла по ее следам, хотя и недолго, померла рано. Ну и мне кое-что от них досталось. Знаю немало трав, которые от разной хвори помогают.

— Боль головная у меня, ратник.

— Ударился?

— Нет.

— А в членах слабость есть? В жар, озноб не кидает?

— Нет. Постоянно думаю о жене с сыном, оттого и боль, наверное.

— Они на Москве остались?

— Где же еще?

— Многие заранее ушли.

— Умнее нас оказались. Но чего теперь об этом говорить? У тебя-то где семья?

Опричник вздохнул и ответил:

— Нет у меня ни жены, ни детей, ни отца, ни мамки. Один я на этом свете. Но моя история долгая и тебе, вельможной особе, не интересная.

— Отчего же? Поведай о жизни своей.

— Нет, не буду. Не хочу ворошить прошлое, слишком уж худое оно. Сейчас лучше. Мне и думать-то не о ком. Весь в службе. Но коли постоишь за меня да последишь малость за еланью, то принесу травы одной. Вдруг она тебе и поможет.

— Я-то постою, но что за трава такая у тебя? Ее ведь, наверное, заваривать надо, а где сейчас это сделать? Костры не горят, от лучин проку нет.

— Моя трава особая. В ней лечебные только вершки. Их можно и в холодной воде растолочь. Конечно, отвар лучше, но сойдет и так.

— Ладно, неси. Все одно хуже не станет.

— Это так. — Опричник прошел к левому ряду шалашей, скрылся между ними, вскоре вернулся с тряпицей. — Держи,

воевода. В чашу воды налей, из тряпицы осторожно достань пучок травы, верхки стряхни, но только зерна, их рукояткой ножа растолки... хотя чего это я? Сам все быстрее сделаю.

Бордак невольно улыбнулся и сказал:

— Твоя правда, ратник. Лучше сделай сам.

— Чашу надо, вода у меня есть в бурдючке.

— Сейчас принесу. Кроме чаши ничего не надо?

— Нет, нож у меня тоже всегда при себе. — Ратник принялся за приготовление зелья.

Бордак же прошел ко второму, внешнему дозору. Там службу нес опричник Семен Топарь. Он лежал за кустом, услышал шорох сзади, резко обернулся.

— Тихо, Семен, это я.

— Боярин? — удивился Топарь.

— Я. Ну что у тебя тут?

— Ничего, боярин, тишина.

— Это хорошо.

— Вот только дымом потягивает, чуешь?

Михайло принял. С юга действительно тянуло дымом.

— Да, что-то горит. И давно ты почуял дым?

— Нет, недавно, как ветерок сменился. Раньше он дул с запада, тогда дыма не было. А сейчас он такой, будто с пожарища прилетел, еще тлеющего.

— Вон там впереди у нас село.

— Далеко?

— Верстах в десяти. Неужто оно сгорело?

— Могло. А то и не село, а лес глубже.

— Утром двинемся к реке, мимо села пойдем, тогда все и узнаем.

— Воистину.

— А так, говоришь, все спокойно?

— Сам видишь. Тихо как на погосте, даже мелких птиц не слышно. В это время совы обычно летают. Сейчас нет и их.

— Орда прошла, распугала и людей, и зверей. От нее все бегут.

— Это да. А Москву-то как шустро татары сожгли, а?

— Им повезло. Не начнись ураган, выстояли бы наши полки. Но вмешались небесные силы. А против них всяк бессилён. Только Господу Богу подвластно все то, что происходит и на земле, и в небе.

— Так почему Он не защитил столицу православную?

— Не богохульствуй, Семен. Видать, прогневали мы Бога, и послал Он нам жуткое испытание. Но не обделит и милостью.

— Быстрее бы.

— У тебя жена есть?

— Нет. И не было покуда.

— А родные на Москве проживают?

— Слава Богу, нет. В Угличе они. Отец сапожник, мать с сестрой по хозяйству. Вот сестра собиралась замуж. Отец приезжал на Москву, говорил о том. Звал меня домой по осени. Но куда теперь? Не до свадеб.

— Не след так говорить, Семен. Жизнь продолжается.

Ратник взглянул на воеводу и спросил:

— А тебе чего не спится, боярин?

— Маюсь, не ведаю, что с семьёй моей. Она на Москве оставалась. А жена родить скоро должна. Где они с сыном теперь, живы ли? Вот что меня очень беспокоит, Семен.

— Да, это плохо, коли не ведаешь, что с семьёй. Лучше знать, пусть и самое худое, нежели вот так маяться.

— Ладно. Ты до утра заступил?

— До зари. Потом сменщик придет.

— Давай, неси службу. Я постараюсь уснуть.

— Ты, боярин, надейся на лучшее.

— Благодарю, ратник. — Бордак вернулся к опричнику, несшему службу в лагере, и спросил: — Ну что, сделал снадобье?

— Да, вот оно, выпей.

— Все пить?

— Все.

Михайло опустошил чашу.

— А теперь ложись и попробуй уснуть, — сказал опричник.

— Получится ли?

— Ты ложись, а там видно будет.

Воевода вернулся в шалаш, лег на лежанку.

— Ты чего, Михайло? — раздался голос княжича Парфенова с другого края шалаша.

— Голова разболелась, Василь. Я разбудил тебя?

— Если скажу «нет», поверишь?

— Не поверю.

— И правильно сделаешь. Все о своих думы думаешь?

— А как же, Василь? Ведь не ведаю, что с ними.

— Хорошо хотя бы то, что на подворьях людей не было, да и лады тоже. Значит, ушли рекой и твои, и мои.

— А как узнать? Да еще вотчина твоя стоит на пути орды.

— Ну если Девлет повел ее на рязанские земли, то, может, и минуют крымчаки село. А нет, то только бы дошли наши до него, а там ключник переправит их в лес, в скрытное место, недоступное для чужаков.

Бордак приподнялся и сказал:

— Слушай, Василь, а если нам зайти в твою вотчину? Это же не так далеко.

— Да, не особо. Верст пятьдесят отсюда на восток. Там река Москва извивается как уж. Вот на правом берегу излучины и стоит село. А орда и мы на левой, западной стороне. Так что, чтобы зайти в село, придется переправляться через реку, а бродов там нет.

— Это не страшно. Да и всем переправляться не надо, только нам двоим.

Парфенов зевнул и проговорил:

— Ты главный воевода. Тебе решать, куда и зачем идти отряду. Можем и зайти.

— Давай поступим так. Впереди село Волонино. Оттуда дымом несет, хотя и слабо уже. Утром, после молитвы и завтрака, отправимся к этому селу, посмотрим, что там, пройдем далее до деревни Колодка, что верстах в двадцати от него. После свернем на восток и двинем к твоей вотчине.

— Согласен, если только крымчаки не помешают нам уйти.

— Это понятно. Коли их будет не слишком много, то схватимся с ними. Это сейчас самое главное. Тут уж не до своих дел.

— Вот и договорились. Я и сам, если честно, хотел просить тебя свернуть к Стешино, да не решился.

— И с чего ты стал такой нерешительный? Я для тебя большой начальник?

— Так положено, Михайло. Ты первый воевода, главный, я всего лишь твой помощник.

— Прекрати даже думать о том. Мы в первую голову товарищи.

— Ладно, порешили. А теперь отдыхать. А то будем с утра как мухи сонные.

— Не ведаю, смогу ли забыться.

Но Бордак уснул быстро. Головная боль прошла. Наверное, зелье помогло. Или же то обстоятельство, что он решил проведать вотчину Парфенова.

Лагерь проснулся на рассвете.

Бордак тут же выслал разъезд, приказал ему посмотреть округу. Конники далеко не ходили, оглядели лес, ближнее поле и вернулись. Старший разъезда доложил воеводе, что крымчаков и вообще кого бы то ни было поблизости нет. Но чувствуется запах дыма. Ветерок приносит его с верховья реки.

Воины собрались на середине поляны, помолились, перекусили тем, что было в сумках. Припасы они берегли, добыть их было негде, кроме сел и деревень, разоряемых ордой.

После этого Бордак вызвал к себе головной дозор. Его возглавлял Иван Пестов. Под началом у него были Федор Верга, Егор Ступа, Осип Карась и Никола Бартов.

Свое задание Пестов знал.

Бордак лишь сказал ему:

— Помни, Иван, идем позади орды. Крымчаки могут вылезти откуда угодно. Причем отрядом немалым. Коли они завидят вас, то нам всем придется тяжко.

— Я это знаю, воевода.

— Тогда вперед, к реке. Она где-то в версте. Далее по берегу до села Волонино. До него чуть более десяти верст. Уразумел?

— Да, боярин.

— С Богом!

— Пошли, ребята, — дал команду дозорным Пестов.

Головной дозор ушел с елани по тропе к полю.

Княжич Парфенов тем временем построил десятки.

— Идем до ближнего села, от него до деревни, — сказал боярин своим людям. — Десятникам назначить дозорных по сторонам. Им выход по моему распоряжению. Вперед, воины!

Отряд Бордака, состоявший из трех десятков бойцов, покинул лесную поляну. Еще до молитвы опричники убрали с нее шалаши, не оставили ни единого следа своего пребывания здесь.

Воины шли в строгом порядке. За головным дозором следовали ратники Фомы Рубача, с ними Михайло Бордак и Василий Парфенов. За ними держался десяток Якова Грудина, позади — люди Луки Огнева.

К воде они вышли быстро и увидели нечто страшное. По реке плыли трупы мужиков, баб, детей, доски от лодок, бревна от плотов. На песчаной кромке лежали два трупа. Оба бабьи. Обгоревшие. А сколько таких тел река уже унесла? Жители Москвы искали спасение, а нашли погибель.

Сердце Бордака уколола жуткая мысль:

«А нет ли среди этих трупов моих Алены, Петруши, Герасима и Марфы, других знакомых? Не разлетелась ли на куски в давке ладья княжича, как те, остатки которых плыли по реке? Опять тревога. Нет никакого покоя».

Парфенов увидел бледное лицо Бордака и приказал отряду отойти от реки на сто сажений, что было тотчас исполнено. Всех ратников угнетало это зрелище.

Бордак же не вмешивался. Княжич поступил совершенно правильно. Он имел на то право как помощник, второй воевода.

Головной дозор шел без остановок. Михайло с Василем видели, как их конники оглядывали те места, откуда могли появиться крымчаки. Однако врага поблизости не было, потому отряд двигался довольно быстро.

Солнце было еще на восточной стороне, когда дозор вышел к возвышенности и встал. Бордак дал команду отряду сделать

то же самое. Наверх пешком поднялся Иван Пестов, огляделся, обернулся и подал знак воеводе, попросил его подойти.

К нему отправились и Михайло, и Парфенов. Они соскочили с коней, передали их ратникам, по тропе, сделанной в траве Пестовым, поднялись на вершину. Оттуда увидели сажень в двухстах пожарище. Это было странно, но село Волонино выгорело не все. Несколько дворов остались нетронутыми огнем.

Пестов взглянул на Бордака и сказал:

— Ночные дозорные говорили о дыме с этой стороны. Вот откуда он шел. Непонятно только, почему село не выгорело.

Княжич Парфенов оказался глазастей всех.

— А не выгорело оно потому, что огонь был сбит дождем, — заявил он.

— Но ведь не было никакого дождя, — с недоумением проговорил боярин.

— Не было в лесу, на елани, на которой мы стояли, и до этого места. А далее сажень в ста сухая земля граничит с мокрой. Дождь полосой узкой пролился где-то в начале ночи. Пришел с запада, ушел на восток.

— А ведь ты прав, княжич, — сказал Пестов. — Как же я сам-то этого не увидел?

— Ладно, чего теперь, — произнес Бордак. — Крымчаки сделали свое дело и ушли. Вот только далеко ли?

— Насколько хватает глаз, никого не видеть. — Пестов повернулся к Бордаку и спросил: — Какой наказ будет, воевода?

— Пройти дозором мимо села вдоль реки на версту, посмотреть лес, вернуться по его кромке. Времени на это, Иван, у тебя не много.

— Уразумел, исполню! — Пестов поспешил вниз.

Дозор тут же двинулся вперед.

Парфенов подал десятникам сигнал спешиться, сойтись в отряд и ждать. Те все поняли, подвели своих людей к ратникам Рубача.

Воевода с помощником смотрели за дозором, покуда он был виден, не скрылся за возвышенностью.

— Как ты считаешь, жители села сумели уйти от набега? — спросил княжич.

— По-моему, да. В Волонино не могли не знать о нашествии татар, о пожаре на Москве. Поэтому время уйти у них было.

— А если крестьяне подумали, что Девлет разграбит окрестности Москвы и пойдет обратно в Крым?

— Рассчитывать на это было бы глупо.

Парфенов невесело улыбнулся и сказал:

— Мы тоже думали, что Девлет поведет свою орду проверенным путем и на Козельск, как было решено в Бахчисарае, а видишь, что вышло.

— Ничего не было бы, если не наши изменники. Ради собственной выгоды они обрекли на смерть и унижения столько людей. Никого не пощадили. Как по-твоему, Василий, кто хуже? Татары-крымчаки или эти вот негодяи?

— Да наши, конечно же, похуже будут. Крымчаки что? Для них набеги — средство к существованию, а эти?.. Они ведь вовсе не наши. Изменники не имеют ни роду, ни племени. Я бы их давил собственными руками. А еще пищат некоторые вельможи, мол, царь нас притесняет. Да государю этих продажных тварей надо на плаху вести, головы им рубить без пощады, в назидание другим.

— Ладно, смотри на леса.

Парфенов повернулся.

— Да, вижу, ертаул по кромке идет. Три всадника.

— Значит, Пестов двоих в сам лес послал.

— Шустро основной путь прошли. Это говорит о том, что крымчаков дозорные не встретили.

— Они, по-моему, никого не встретили. А ведь должны были выйти хоть какие-то люди из Волонино, из леса, из-за реки.

— Может, они где-то тут и есть, хотели выйти, да нас увидели и опять спрятались. Им и в голову не придет, что орду преследует русская дружина.

— Наверное, ты прав.

Ертаул вышел из леса и направился к возвышенности.

Вскоре Пестов поднялся к Бордаку и Парфенову, смахнул пот с лица и доложил:

— Ничего и никого. В село, как ты и велел, воевода, мы не заходили, в округе на версту и более ни единого человека нет.

— Следы?..

— Тех много. От коней, людей, телег, скота разного. Они от села тянутся в сторону соседней деревни.

— От телег и скота, говоришь? — спросил Бордак.

— Да, боярин. Это худо. Значит, жители села не ушли до того, как налетели крымчаки.

— Ну это еще спорно. Сельчане могли в спешке переправиться на другой берег, бросить и повозки, и часть скота. Не до того, когда жизнь в опасности, — сказал Парфенов.

— Дай Бог, чтобы так оно и оказалось, — проговорил Бордак.

— Заходим в село, Михайло? — спросил княжич.

— Да вот думаю, стоит ли всей дружиной туда соваться.

— А чего ее делить-то? Нам чрез село дальше идти, к деревне.

— Коли крестьяне успели уйти на другой берег, то наверняка кто-то из них теперь из ближнего леса смотрит за селом. Большую дружину увидит, испугается и ноги унесет, ну а к малому отряду может и выйти, когда поймет, что мы свои.

— Коли для них остались эти самые свои, — вырвалось у Пестова.

Бордак взглянул на него и спросил:

— Почему ты так говоришь, Иван?

— А потому, воевода, что люди могут быть злы на царя за то, что он допустил такое разорение.

— Государя-то за что винить? Он сделал все, что мог.

— Кто бы еще народу местному это объяснил.

— Вот мы и объясним. Лишь бы люди к нам вышли.

Бордак принял решение и озвучил его:

— Мы с тобой идем в село вместе с головным дозором, посмотрим все, показываем себя на берегу. Надеюсь, кто-нибудь да выйдет к нам. И объяснимся, и про крымчаков узнаем, спросим, какими силами они подходили к селу.

Воевода приказал дружине оставаться на месте, а сам вместе с Парфеновым и головным дозором поскакал к селу. Вскоре всем им стало ясно, что никто к ним не выйдет. Крестьяне не успели уйти. Кони заволновались, почуяв мертвечину. Ратники

успокоили их, въехали в село, увидели порубленные тела стариков и старух, младенцев. Полегли и те мужики и совсем молодые парни, которые пытались отбить нападение крымчаков.

Бордак остановил коня, закрыл глаза.

Парфенов подъехал к нему и спросил:

— Что с тобой, Михайло?

— Не могу видеть трупы детей и молодых баб. Скажи мне, Василий, почему селяне не ушли на тот берег? Ведь и плоты у воды стоят, и лодки. Время у них было, успели бы переправиться, даже завидев крымчаков на той возвышенности.

— Не ведаю, Михайло, но, судя по всему, тут не ждали татар. Мужики своим делом занимались, бабы по хозяйству, дети играли на улице. Мыслю, тут вообще никто не смотрел за подходами к селу. Может, пастухи и заметили крымчаков, да уже поздно было. Странно все это. Как будто крестьяне не знали о том, что произошло на Москве.

— Но трупы-то в реке они должны были видеть. Хотя бы рыбаки.

— Селяне не могли не ведать о нашествии. Они подумали, наверное, что наши полки дали бой, как бывало не раз. А трупы? Ну попали под татар окрестные села. Хотя согласен, странно это. Должны были люди почуять беду.

— Нет, Василий, вернее будет считать, что селяне слепо верили в то, что русская рать отгонит татар от Москвы, и уйдут они обратно в свой Крым не солоно хлебавши. Вот и оставались на селе. Тем более после того, как царь Иван Васильевич Казань взял, Астрахань и западные земли Москве подчинил. Крестьяне не сомневались в том, что чужеземцы к нам больше не придут. Помнишь деревню Песчаную, что недалеко от Чугуева?

Парфенов кивнул и проговорил:

— Помню. Мы тогда по воле Ивана Васильевича за мурзой Икрамом в тех землях гонялись. Песчаную разорили люди этого пса. Вернее, нелюди. Как сейчас помню, проводник, который провел нас до деревни, нашел тело изрубленное своего кума. Там шестерых крымчаки убили, а тут? Страшно даже смотреть. Но надо, Михайло.